

Гу Яо выпрямился, взял его за руку и слегка цыкнул:

— Ты сам не знаешь, сколько времени? Если опоздаем на автобус, не плачь потом.

— Работа, — смущённо ответил Лю Сычэнь. В старшей школе Гу Яо учились шесть дней в неделю, и она находилась ближе к больнице, всего в семи-восьми минутах ходьбы. Поэтому каждую субботу Лю Сычэнь ждал его в больнице, чтобы вместе поехать домой.

Они зашли в кабинет дедушки Чэня забрать вещи. В субботу дедушка Чэнь не работал в больнице, и Лю Сычэнь тоже не принимал пациентов, просто продолжал заниматься тем, что делал раньше в доме Чэней — разбирал медицинские записи.

— Ты слишком уж заиклился на этом парне, — вдруг сказал Гу Яо, когда они выходили из больницы.

Лю Сычэнь замолчал, прежде чем понял, о ком идёт речь.

— Он... он очень болен, — с грустью произнёс Лю Сычэнь. — Я ничем не могу помочь.

— Помнишь...

— Помню! — перебил его Лю Сычэнь. — Я не виню себя за то, что не могу его спасти. Я чётко понимаю, что даже самые лучшие врачи и лекарства в мире не помогут ему, если не произойдёт чудо.

— Мм, — коротко отозвался Гу Яо, затем нахмурился. — Так о чём же ты переживаешь?

— Он ведь всего лишь ребёнок, правда? — опустив голову, тихо сказал Лю Сычэнь.

В ответ Гу Яо лишь усмехнулся:

— Не говори так, малыш, иначе я начну думать, что ты старше его. На самом деле, он ребёнок или нет, и насколько он болен, не имеет к тебе никакого отношения.

— Эй! Как ты можешь быть таким чёрствым?! — Лю Сычэнь с недоверием посмотрел на него, раздражённо заворчал. — Я ошибся в тебе!

Гу Яо не обратил внимания на его капризы, даже с интересом подхватил его на руки:

— Ты, кажется, путаешь. Для тебя он пациент, а ты даже не врач. Вы просто знакомые, видевшие друг друга пару раз. Почему ты так переживаешь из-за него?

— Но он же ребёнок! Смерть для него слишком жестока, он не заслуживает таких мучений. Даже если это незнакомец, мне всё равно будет грустно, — Лю Сычэнь сжал щёки Гу Яо, чувствуя несправедливость из-за его равнодушия.

— Никто не давал ему этих мучений, и это не наказание за его ошибки. Эта болезнь в какой-то степени случайность, и здесь нет вопроса о заслугах, — Гу Яо немного помолчал. — А твоя профессия заключается в том, чтобы сталкиваться с такими случайностями. Когда они накапливаются перед тобой, мне нужно, чтобы ты был достаточно твёрдым.

Лю Сычэнь смотрел на него, в его глазах смятение сменилось пониманием. Он, казалось, уловил смысл слов Гу Яо. Не настоящая чёрствость, а взгляд врача на больного. Он вдруг осознал, что, хотя он и хотел стать врачом, он всегда оправдывался своим возрастом,

отказываясь принять ответственность, которая с этим связана.

— Иначе тебе лучше вообще не быть этим чёртовым врачом. Такие вещи рано или поздно сведут тебя с ума, — Гу Яо был доволен, увидев понимание в его глазах, и ускорил шаг к автобусной остановке.

Лю Сычэнь обнял его за шею, не говоря ни слова. Врач обречён всю жизнь сталкиваться с рождением, старением, болезнями и смертью — самыми болезненными аспектами человеческого существования. Без сильного внутреннего стержня он будет жить в самоограничении, сплетённом из чувства вины, сострадания, грусти и бессилия. В долгосрочной перспективе это не только мешает ему совершенствоваться в медицине, но и может подорвать его психическое здоровье.

— Любой может сочувствовать ему, грустить за него. Но ты не можешь. Вы, врачи, не можете. Более того, ваше сочувствие — это самое большое мучение для него. Встречаясь с ним, это просто твоя работа. Тебе нужно только быть внимательным и делать всё возможное, — Гу Яо похлопал Лю Сычэня по спине. Он хотел сказать, что тому ещё рано, что всё будет постепенно, но, вспомнив его выражение лица в палате того юноши, он не смог удержаться и начал наставлять его, направляя на правильный путь.

Лю Сычэнь крепче обнял его, прижавшись носом к его шее.

— Я помню, как мама была очень больна. Я был так напуган, что всё время проводил с ней в больнице. Каждый раз, когда у неё хватало сил поговорить со мной, я был бесконечно счастлив. Но как только я ловил на себе сочувствующие взгляды медсестёр и врачей, это было как ушат холодной воды, и весь мой страх и паника вырывались наружу, — Гу Яо, наконец, донёс его до автобусной остановки, как раз к последнему рейсу. — В те тяжёлые времена мои воспоминания о ней стали размытыми, но сочувствие и вздохи медсестёр и врачей глубоко засели в моей памяти, принося холод каждый раз, когда я о них вспоминаю.

— Братик, всё в порядке, это в прошлом, — Лю Сычэнь не хотел, чтобы он продолжал, быстро закрыл ему рот рукой, кивая с покрасневшими глазами. — Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Гу Яо отстранил его руку и с отвращением сплюнул:

— Ты помыл руки, прежде чем трогать мой рот?!

Лю Сычэнь с недоумением уставился на него:

— Ты брезгуешь мной?!

Гу Яо поднял бровь:

— Ты знаешь, сколько микробов может быть на тебе? Разве брезговать тобой — это не нормально?

— Ты изменился, Гу Яо. Ты больше не тот, кто называл меня сладким. Ты правда изменился! Мужчины, когда вырастают, становятся ненадёжными, мм... — Лю Сычэнь притворился, что плачет, и продолжал капризничать, пока пассажиры не начали на них смотреть.

Когда они добрались домой, Лю Сычэнь уже успокоился. Дедушка Лю, увидев, что его хмурое лицо наконец прояснилось, немного успокоился. Ребёнок столкнулся с самой жестокой стороной человеческой природы слишком рано, и дедушка Лю чувствовал себя неуверенно, не

зная, как его утешить. Увидев, что малыш снова улыбается, он немного расслабился.

Лю Сычэнь, видя облегчение бабушки, почувствовал вину. Он слишком погрузился в свои переживания, не замечая, что окружающие беспокоятся о нём.

Хотя разумом он понял слова Гу Яо, эмоционально он не мог просто так отпустить эту ситуацию.

Лю Сычэнь всё ещё переживал за состояние Чжао Юйбиня, но теперь он больше не показывал никакого сочувствия или других негативных эмоций перед ним и его матерью. Он следовал за бабушкой Чэнем, просто делая то, что должен был делать.

Даже бабушка Чэнь был удивлён. Он уже приготовил целую речь, чтобы объяснить мальчику, как справляться с эмоциями, но тот сам всё понял. Бабушка Чэнь был очень доволен своим маленьким учеником.

В пятницу, закончив приём, он сопровождал бабушку Чэня в обход пациентов. Чжао Юйбинь по-прежнему лежал молча, но на этот раз, когда Лю Сычэнь закончил осмотр, он хриплым голосом заговорил:

— Что? Сегодня ничего не скажешь? — Это был первый раз, когда он заговорил с тех пор, как его перевели сюда.

— Нет... наверное? — Лю Сычэнь стоял у кровати, слегка колеблясь, но в итоге просто сказал.
— Ты просто отдыхай.

— Сдался? Я скоро умру, да? — в глазах Чжао Юйбиня появилась злоба, нарушившая его многодневное безразличие.

Лю Сычэнь не успел ответить, как мать Чжао Юйбиня, подслушивавшая за дверью, с рыданиями выбежала из палаты.

— Думаю... — Лю Сычэнь глубоко вздохнул, сглотнул и продолжил. — Да, Чжао Юйбинь, твоя болезнь, вероятно, неизлечима.

Чжао Юйбинь смотрел на него, в его глазах по-прежнему была пустота, словно слова Лю Сычэня не вызвали в нём ни малейшего отклика.

— Бабушка Чэнь сказал, что он бессилен. Ты понимаешь? — глаза Лю Сычэня покраснели. Для него это всё ещё было сложно, как можно оставаться равнодушным?

Чжао Юйбинь медленно улыбнулся, на его лице появился сарказм:

— Я думал, ты будешь притворяться, что всё в порядке, пока я не умру.

— Ты боишься? — Лю Сычэнь положил голову на край кровати. В этот момент он не хотел оставлять этого ребёнка одного.